

DIANE SOLWAY

Nureyev:
HIS LIFE

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
<i>Глава 1. Распутица.</i>	13
<i>Глава 2. Друг, религия, путь к лучшей доле</i>	26
<i>Глава 3. Прозрение</i>	34
<i>Глава 4. Хамет</i>	44
<i>Глава 5. Дорога в Ленинград</i>	60
<i>Глава 6. Окно на Запад</i>	77
<i>Глава 7. Пушкин.</i>	91
<i>Глава 8. Кировский.</i>	119
<i>Глава 9. Далекие сцены</i>	146
<i>Глава 10. Эффектный выход</i>	164
<i>Глава 11. Последствия.</i>	195
<i>Глава 12. Новые горизонты.</i>	224
<i>Глава 13. Рудик и Эрик</i>	231
<i>Глава 14. «В сущности я романтический танцовщик»</i>	258
<i>Глава 15. Суд</i>	287
<i>Глава 16. Принц и битник</i>	290
<i>Глава 17. Вы же великая балерина!</i>	311
<i>Глава 18. С нуреевского фронта.</i>	324
<i>Глава 19. Бог, человек, птица, он сам.</i>	356
<i>Глава 20. Нуреев и Фонтейн.</i>	377
<i>Глава 21. Рудимания.</i>	394
<i>Глава 22. «Не завтра, а сейчас, сию минуту!»</i>	422
<i>Глава 23. Я хочу, ты должна</i>	442
<i>Глава 24. Нет Нуреева — нет работы.</i>	469
<i>Глава 25. Тигр! Тигр!</i>	492
<i>Глава 26. Роскошествующий кочевник.</i>	522

<i>Глава 27.</i> Баланчин	536
<i>Глава 28.</i> «RITORNA VINCITOR!» / «Вернись победителем!» . . .	572
<i>Глава 29.</i> Песни странствующего подмастерья.	608
<i>Глава 30.</i> Как Никия в «Баядерке»	618
<i>Глава 31.</i> Диминуэндо	644
<i>Глава 32.</i> Выход на поклон	663
Эпилог	676
БИБЛИОГРАФИЯ	684

ПРОЛОГ

Очередь начала выстраиваться за несколько часов до мероприятия и растянулась на всю длину 59-й улицы. К семи вечера ни в основном зале, ни в галерее, открытой для посетителей, не оставалось ни одного свободного сидячего места. Стоячие места оккупировали телевизионщики и репортеры. Все с нетерпением ожидали еще одной премьеры — даже после своей кончины самый прославленный танцовщик века манил и притягивал публику.

В распродаже произведений искусства, костюмов и личных вещей Рудольфа Нуреева на нью-йоркской сцене «Кристис» было все, что способно сделать аукцион чем-то большим, чем простая сумма его составляющих — и рекламная шумиха, и интрига, и сверкавшая в центре звезда. Эти знаменитые торги «Кристис», лаконично названные «Нуреев», предвзяло шестидневное превью, которое, по иронии жизни, стартовало во вторую годовщину смерти великого танцовщика. Он прожил всего 54 года и скончался от СПИДа 6 января 1993 года.

В ходе агрессивной рекламной кампании «Кристис» выпустил роскошный каталог, иллюстрированный фотографиями Сноудона, а также глянцево-черные пакеты, с которых жирные красные буквы напористо призывали: «Нуреев. Приходите к нам в январе. Кристис».

И целую неделю до начала торгов аукционный дом штурмовали рекордные по численности толпы. Пятьдесят тысяч поклонников, коллекционеров и просто любопытствующих жаждали приблизиться к человеку, которому принадлежало роскошное, хоть и эклектичное, убранство 6-комнатной квартиры в историческом особняке «Дакота». В этой квартире с видом на Центральный парк более десяти лет обитал Нуреев во время его приездов в Нью-Йорк. В ней он принимал и развлекал своих многочисленных друзей и знакомых — от Жаклин Онассис, дамы Большого креста Марго Фонтейн, Леонарда Бернстайна и Джерома Роббинса до совсем еще

юных, начинающих танцовщиков и музыкантов, случайных гостей по вызову и возлюбленных на одну ночь.

Всю жизнь обуреваемый манией накопительства, Нуреев скупал древние карты, полотна старых мастеров, академические этюды мужской обнаженной натуры, ковры ручной работы, старинные музыкальные инструменты, книги и нотные издания в листах. В его коллекции имелись римский мраморный торс, резная елизаветинская кровать с пологом на четырех столбиках и восьмифутовый канделябр в стиле рококо из муранского стекла, расписанные вручную китайские бумажные обои восемнадцатого века и русская березовая кушетка на витых позолоченных ножках...

И это только малая толика личных вещей Нуреева, многообразие и обилие которых свидетельствовало о кочевой жизни танцовщика и выдавало как его бедное детство, так и его пристрастие ко всему экзотическому и эротическому. Неудивительно, что человек, известный своей недоверчивостью и большую часть жизни уклонявшийся от уплаты налогов и преследования КГБ, предпочитал вкладывать свои доходы в недвижимость и произведения искусства — в те материальные ценности, которые он мог осязать и которыми мог любоваться и восхищаться. Нуреев был настолько одержим коллекционированием, что не только обзавелся квартирами в Нью-Йорке и Париже, домами в Лондоне и Сен-Бартелеми, ранчо в Вирджинии и островом в Италии, но и заполнил многие из них своими быстро приумножавшимися собраниями. «Все, что у меня есть, — горделиво признавал он в конце жизни, — натащено моими ногами».

На торги «Кристис» были выставлены также вещи, к которым прикасалась знаменитость: пиджак а-ля Неру из змеиной кожи в комплекте с брюками и ботинками, которые Нуреев надевал для резонансных телеинтервью; костюмы, в которых он танцевал в таких спектаклях, как «Жизель», «Корсар» и «Дон Кихот»; два парных дивана с бархатной обивкой горчичного цвета, некогда принадлежавшие Марии Каллас — еще одной представительнице исчезающей породы *monstre sacre*, «священных идолов», к которой часто относили самого Нуреева.

В своих галереях на Парк-авеню сотрудники «Кристис» попытались воссоздать роскошную, напоминающую театральные декорации обстановку квартиры танцовщика. Но в отсутствие хозяина, оживлявшего их своим властным и бунтарским духом, предметы мебели выглядели изношенными и потертыми, а комнаты унылыми и запустелыми.

Впрочем, посетителей в аукционный дом «Кристис» привело не только желание увидеть все эти вещи и картины, несущие отсвет блистательной, но погасшей звезды. В равной, если не в большей степени людей завлек туда шанс унести с собой частицу легенды Нуреева. О чем грубовато намекнул им анонс «Кристис» — во всю страницу «Нью-Йорк таймс»: «Потанцуй дома с одной из любимых вещей Нуреева!»

«НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ НАЗАД, иначе свалишься с лестницы», — любил говаривать Нуреев. Ночью, за бокалом вина, в компании близких друзей он, конечно, мог затронуть вскользь свое прошлое. Но большинство людей, знавших Нуреева, предпочитали расспрашивать его о юности очень осторожно. А иные и вообще избегали задавать ему вопросы. С рождения обученный искусству выживания, Нуреев мало интересовался собственным прошлым и не имел ни времени, ни склонности ностальгировать по нему. И все же многие особенности его характера были заложены в раннем детстве: замечательная жизнестойкость, непоколебимая уверенность в себе, подкупающая прямота, неумная тяга к знаниям и столь же сильная внутренняя убежденность в том, что границы созданы затем, чтобы их преодолевать. Лучшие годы юности Нуреев провел в попытках вырваться из глухой уральской деревушки, в которой он родился и вырос, и попасть в священную балетную труппу Кировского театра. Добившись цели, он никогда не давал задний ход. И продолжал движение вперед. Всегда. Не останавливаясь. Добиваясь свободы ездить туда, куда ему хотелось ездить, танцевать то, что ему хотелось танцевать, и быть тем, кем он желал быть. После бегства на Запад Нуреев практически в одночасье стал и мировой звездой, и политическим символом. Но ему не нравилось обсуждать это важное, если не судьбоносное событие в своей жизни даже с теми из парижских друзей, кто оказался его свидетелем. «Это в прошлом», — коротко ответил Нуреев приятелю, напомнившему ему о «прыжке в свободу». А когда другой предположил, что Нуреев скучает по семье, старым товарищам и своим корням, тот быстро его поправил: «Не приписывай мне свои мысли. Это ты так думаешь, а не я. Я здесь совершенно счастлив. И ни о ком и ни о чем не скучаю. Жизнь здесь дала мне все, что я желал, все возможности».

Веруя, что при желании все реально и все по плечу, Нуреев переосмыслил и усовершенствовал свое искусство так, как не удавалось ни одному другому танцовщику ни до него, ни позже. После побега на Запад он всего за несколько месяцев сумел изменить восприятие зрителями классического балета и, по сути, создал

совершенно новую балетную аудиторию. Нуреев не только вернул значимость мужскому танцу и мужским партиям в балетных спектаклях, но и привнес чувственное, сексуальное начало в это искусство, долго ассоциировавшееся с хрупкими, воздушными героинями и их эфемерными партнерами. Он воспламенил угасавшую карьеру Марго Фонтейн, и вдвоем они составили наиболее харизматичный балетный дуэт своего времени. Исколесив земной шар, Нуреев стал самым путешествующим танцовщиком в истории, странствующим проповедником балета.

Вне сцены он искусно исполнял роль элитарного представителя формировавшейся культуры селебритиз. Но, при всей своей надменности крупной звезды, Нуреев не лишен был и практической житейской жилки предков-татар. Ворвавшись в западный мир с тридцатью франками в кармане и быстро сделав себе имя, он сколотил состояние, которое на момент его смерти оценивалось в двадцать пять–тридцать миллионов долларов. Стремясь испробовать в жизни все, Нуреев жил в ритме марафонца. Он кутался в шали «Миссоны», носил кожу и сапоги до бедер. Довольно прижимистый в деньгах, он был одновременно щедрейшим из артистов — отдавая всего себя зрителям! А своими уроками и постановками Нуреев вдохновил не одно поколение танцовщиков и почитателей балета.

Своей невероятной энергией Нуреев поражал и на закате жизни. Даже на последних стадиях СПИДа он включал в свой календарь выступления. И совсем не думал об отдыхе.

В первый вечер аукциона, 12 января 1995 года, настроение у всех было приподнятое. Среди лотов, выставленных на торги, семнадцать составляли поношенные, запачканные и порванные балетные туфли. Но именно они вызвали наибольший ажиотаж у публики. Нуреев неохотно расставался со своей любимой обувью, и эти истрепанные, ветхие лоскуты кожи, множество раз подклеенные и зашитые, все еще хранили запах сцены, дух балетных постановок и пот вложенного в них труда. Эти туфли устанавливали незримую связь между зрителем и исполнителем; их мистическая, тотемная сила заманила многих посетителей в аукционный дом впервые — точно так же, как когда-то танцевальное мастерство Нуреева привлекло к балету массу людей, прежде вовсе не интересовавшихся этим искусством. Со временем Нуреев стал первой поп-звездой балета, мировой знаменитостью, прославившейся не только своей жизнью на широкую ногу, но и высокими и мощными прыжками на театральных подмостках.

Предпродажная оценка туфель была на удивление низкой: всего 40–60 долларов за самые изношенные и, что еще удивительней, — 150–200 долларов за почти новые («лишь слегка запачканные, но в очень хорошем состоянии»). Во время превью сотрудники «Кристис» выставили эти лоты на обозрение. Увы, двусторонний скотч, которым они приклеили туфли к витринам, безжалостно стер с их подошв заветную патину сцены. Первыми к продаже были предложены четыре пары белых туфель, оцененные в 150–200 долларов. Когда аукционист Кристофер Бердж огласил их стартовую цену в 1000 долларов, по залу пронесся гул охов и вздохов. А в конце торгов пара стоптанных и замаранных бледно-розовых туфель, изначально оцененная в 40–60 долларов, ушла с молотка — под вопли, рыдания и взрывные аплодисменты возбужденной публики — за рекордную сумму в 9200 долларов! «Кристис» недооценил стоимость вещей, принадлежавших звезде.

Нуреев предсказывал, что распродажа его имущества не обойдется без закулисных интриг. «Кристис» изначально планировал распродать содержимое двух его квартир — нью-йоркской и парижской — на двух аукционах, организованных встык в Нью-Йорке и Лондоне. Но эти торги пришлось отложить ввиду того, что одна из сестер Нуреева, Роза, и племянница Гюзель оспорили его волю в суде. Вырученные от продажи деньги предполагалось перевести двум фондам, которые основал сам Нуреев (один — в Европе, другой — в Америке). Однако родственницы танцовщика усомнились в его намерении передать этим фондам контроль над своими активами. А когда друзья Нуреева обвинили их в корыстолюбии и алчности (при том, что танцовщик оставил им деньги по завещанию), они сослались на пожелание Нуреева передать свои личные вещи в музей, посвященный его жизни и творчеству. В завещании Нуреев действительно оговорил создание такого музея в Париже. Но вопрос о том, какие именно вещи должны были составить его экспозицию, стал предметом разногласий и препирательств. Только после того как оба фонда — наряду с другими уступками — согласились выкупить для будущего музея часть костюмов и фотографий Нуреева, Роза и Гюзель перестали препятствовать проведению нью-йоркского аукциона. И всего за несколько часов до его начала, в нескольких кварталах от аукционного дома, Гюзель со своими адвокатами встретилась с юристами обоих фондов и «Кристис», чтобы вычеркнуть из каталогов лоты, снятые с торгов. Уже столкнувшийся с иском одного из многочисленных любовников Нуреева, американский фонд под началом налогового адвоката

танцовщика постарался избежать новых отсрочек и скандалов. А вот лондонские торги состоялись лишь в следующем ноябре. Однако обвинения и тяжбы продолжались еще долго после проведения обоих аукционов.

А вещи, которыми более всего дорожил сам Нуреев, находились всегда при нем, в дорожном чемодане: туфли, костюмы и прочие принадлежности для жизни на сцене. Ведь сцена, по признанию самого танцовщика, и была его истинным домом. Как пронизательно заметил уже после его смерти Михаил Барышников, Нуреев «относился к сцене крайне серьезно в любом своем качестве — танцовщика, хореографа, руководителя. Для сцены он жил. И без нее он своей жизни не мыслил».

Глава 1

РАСПУТИЦА

В марте 1938 года Фарида Нуреева собрала свои пожитки и вместе с тремя маленькими дочками — восьмилетней Розой, семилетней Лиллой и трехлетней Разидой — села в транссибирский экспресс на небольшой станции близ своего дома в Кушнаренкове, маленькой уральской деревушке на полпути между Ленинградом и Сибирью. Ее муж, Хамет, замполит Красной армии, служил на самой восточной границе России, неподалеку от Владивостока, портового города на Тихоокеанском побережье.

Фарида с большой неохотой согласилась предпринять шестидневное путешествие по Сибири и Дальнему Востоку. В свои тридцать три года она была беременна уже восемь с половиной месяцев и резонно опасалась, как бы у нее не начались роды прямо в поезде. А ведь ей нужно было еще присматривать за тремя своими девочками. Фарида также беспокоилась, что в наводненных солдатами и беженцами вагонах ей не найдется места, чтобы прилечь и отдохнуть, а детям нечем будет развлечься. Поезд делал две короткие остановки в день, но мартовские ветры были настолько суровы, что на улице в считанные минуты замерзали и начинали болеть уши. И еще Фарида тревожилась, что в поезде не окажется никого, кто бы смог ей оказать медицинскую помощь, если вдруг что-то пойдет не так. Этого Фарида на самом деле и боялась больше всего.

И все-таки ей не терпелось воссоединиться с мужем. И не хотелось откладывать поездку до рождения нового малыша — ведь после этого путешествие могло оказаться еще более обременительным. Так что, когда соседи заверили ее, что в том же поезде поедут два военных врача и еще одна семья из ее деревни, Фарида рискнула отправиться в путь длиной почти в шестьдесят три сотни километров! Миниатюрная, красивая женщина с печальными карими глазами, Фарида Нуреева только на вид казалась хрупкой. И слабовольной ее назвать было нельзя. Ее черные волосы, разделенные посередине пробором и аккуратно обвивавшие уши, окаймляли широкое и преисполненное достоинства лицо. Разве что кожа

успела потускнеть от невзгод и тягот. За десять лет ее брака с Хаметом их жизнь безвозвратно изменили бурные социальные и политические вихри, пронесшиеся над страной. На протяжении нескольких поколений предки Хамета работали в поле, но этот вековой уклад поломала революция. При новом общественном порядке амбициозный Хамет сумел быстро перестроиться и охотно сменил халат бедного татарского крестьянина на униформу политрука, сулившую множество новых перспектив. Его продвижение по службе сопровождалось постоянными переездами на новые места. Фариде частенько доводилось оставаться неделями одной и приглядывать за маленькими детьми без мужниной помощи. Но, даже не имея возможности «пустить корни», Нуреевы продолжали жить среди своего народа и в привычном окружении, в какую бы татарскую деревню ни командировали Хамета.

А на этот раз поезд, следовавший на Дальний Восток, увозил Фариду все дальше и дальше от прошлой жизни. И, сев в него, маленькая женщина, невзирая на полученные заверения, не могла избавиться от навязчивых страхов. Она никогда прежде не пускалась в столь далекое путешествие и никогда не увозила дочерей из тихой и сравнительно безопасной уральской глубинки в потенциально опасный портовый город. Естественно, ее, как мать, мучал вопрос: какую жизнь она сможет обеспечить там своим детям? Особенно младенцу, чье появление на свет Фариды ожидала и с нетерпением, и с тревогой.

Пока транссибирский экспресс тащился по холмистым просторам Урала в Сибирь, минюя сотни неотличимых друг от друга небольших поселений и весело раскрашенных деревянных домишек, Фариды коротала время, рассматривая в окно пейзажи. Заснеженные степи, усыпавшие своей монотонной белизной, чередовались с призрачными лесами из могучих, суровых сосен и веселых серебристых берез. А Роза, Лилла и Разида — в полном восторге от нового приключения — носились по коридорам и тамбурам, с воодушевлением изучая поезд и лишь смутно догадываясь, как скоро явится на свет их новый братик.

17 марта у Фариды начались схватки. А до Владивостока оставалось еще три тысячи километров. Соседи, как и обещали, послали за докторами и расстелили в вагоне чистые белые простыни. Где-то после полудня Фариды родила мальчика. Услышав его первый крик, бегавшая по коридору Роза застыла в радостном изумлении и не заметила, как кто-то из проходивших мимо пассажиров защемил ей пальцы дверь. Крик девочки смешался с первым криком новорожденного брата.

Следуя мусульманскому обычаю, по которому имена детей должны были начинаться с той же буквы, что и имя первого ребенка, Фарида назвала сына Рудольфом*. Это имя она выбрала за его звучность, а вовсе не в честь Рудольфа Валентино, как иногда предполагали биографы**.

Убаюканный на руках матери, единственный сын Нуреевых пустился в свою «одиссею», перенесшую его сначала с одного конца страны на другой, а потом вернувшую почти на половину пути назад. «Одиссею», растянувшуюся на 11 300 километров и выработавшую у Рудольфа стойкое и необратимое ощущение бездомности, отсутствия корней. Он всю жизнь будет воспринимать себя странником и никогда — человеком почвы: «Разве не символично, что я родился в пути, между двумя станциями. Видимо, мне суждено было стать космополитом. С самого начала я был лишен чувства «принадлежности». Какую страну или дом я мог назвать своими? Мое существование протекало вне обычных, нормальных рамок, способствующих ощущению постоянства, и оттого мне всегда представлялось, что я родился гражданином мира».

Начиная с места и времени рождения, жизнь Нуреева была полна неясностей. К сожалению, ни запись о его рождении, ни воспоминания его родственников не дают точных ответов на некоторые вопросы. И эта проблема преследует любого, кто пытается свести воедино отдельные подробности его раннего детства, прошедшего на самые мрачные годы сталинской эпохи. Это не получилось даже у самого Нуреева, когда он, уже на склоне лет, попытался установить достоверно момент своего рождения (для составления астрологической карты). По семейному преданию, Рудольф родился после обеда. Но ни его сестра Разида, ни его племянница Альфия, жившие вместе с Фаридой Нуреевой, не помнили, чтобы мать танцовщика упоминала точное место его рождения на Транссибирской магистрали. Сам Рудольф, однако, в нем не сомневался. В своих мемуарах, послуживших основой для всех последующих жизнеописаний, он указал: «В тот момент, когда я родился, поезд мчался вдоль берегов озера Байкал, неподалеку от Иркутска». И в Иркутске его сестра Роза, тогда восьмилетняя, якобы сошла с поезда и побежала на почту — отправить отцу телеграмму с радостной новостью. Увы, свидетельство танцовщика

* Вторая дочь Нуреевых, Лилла стала исключением из правила, и причина этого осталась тайной, разгадать которую не смогла даже ее дочь.

** По словам дочери Фариды, Разиды, имя звезды немого кино и олицетворения гламурного Голливуда 1920-х годов было совершенно неизвестно в то время ее матери.